

Л. М. Андрюхина

L. M. Andryukhina

*ФГАОУ ВО «Российский государственный
профессионально-педагогический университет», г. Екатеринбург*

Russian state vocational pedagogical university, Ekaterinburg

AndrLM@yandex.ru

КРЕАТИВНОСТЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ. ГЛОБАЛЬНАЯ ТЕОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ Р. КОЛЛИНЗА

CREATIVITY IN SOCIAL NETWORKS. GLOBAL THEORY OF INTELLECTUAL CHANGE OF R. COLLINS

Аннотация. В статье поставлен вопрос о роли креативности как результата непрерывного образования и как условия его воспроизводства и развития. В этой связи анализируется теория интеллектуального изменения Р. Коллинза, в которой осмыслиется природа и роль креативности в связи с сетевыми механизмами преемственности и трансформации в социуме и культуре.

Abstract. The article raises the question of the role of creativity as a result of lifelong education and as a condition for its reproduction and development. In this regard, the theory of intellectual change of R. Collins is analyzed, in which the nature and role of creativity is understood in connection with the network mechanisms of continuity and transformation in society and culture.

Ключевые слова: креативность, непрерывное образование, культурный капитал, социальные сети, пространство внимания, сетевые интеракции, теория интеллектуального изменения.

Keywords: creativity, lifelong education, cultural capital, social networks, attention space, network interactions, the theory of intellectual change.

Вопросы включения креативности в практики образования сегодня начинают входить в число стратегических приоритетов на уровне государственной политики различных стран. На рубеже XX–XXI вв. в Великобритании на государственном уровне была признана необходимость развития творчества на всех ступенях обучения, особенно в период получения детьми среднего образования. Существуют проекты, направленные на стимулирование творчества и действующие централизованно на территории всей страны, хотя участие в них учебных заведений добровольное [4].

Многочисленные программы для учителей, менеджеров, и руководителей по развитию креативных компетенций, навыков в области креативного образования и бизнеса распространились от США до Пакистана, Сингапура, Таиланда и Южной Африки.

В России задачи обучения и воспитания креативной личности получили отражение в федеральных документах, Национальной доктрине образования России на период до 2025 года.

В документе ЮНЕСКО «Программа действий в области культуры мира и ненасилия» особое место отведено такому ресурсу человечества,

как креативность. «...Действительно, наша способность к творчеству расширяет и усиливает наши возможности адаптации к различным экосистемам и позволяет нам найти наиболее успешные способы «жить вместе» [5, с. 5]. «Сам процесс взаимодействия с другими культурами порождает искры творчества. В свою очередь, творчество становится истоком культурного разнообразия, включая и то многообразие способов, с помощью которых культуры групп и различных стран выражают себя. Тем самым открываются новые формы диалога, изменяется видение, образуются новые связи между людьми, странами и поколениями по всему миру. Другими словами, творчество, креативность – это постоянный процесс, который поддерживает, усиливает и регенерирует культурное разнообразие во времени и пространстве...» [5, с. 18].

Креативность, тем самым может быть осмыслена и как результат непрерывного образования, и как необходимое условие его воспроизводства и развития [1, 2].

Поэтому сегодня особое внимание привлекают концепции, в которых осмысляется природа и роль креативности в связи с вопросами образования и изучением различных механизмов его воспроизводства.

Одной из таких фундаментальных концепций, соединяющих рассмотрение креативности с сетевыми механизмами преемственности и трансформации, является теория интеллектуального изменения Р. Коллинза.

В фундаментальном труде Р. Коллинза «Социология философий» представлена сетевая теория интеллектуальных изменений, или социология интеллектуальных сетей. «Сети являются ...основой теории; я утверждаю, – пишет Р. Коллинз, – что если кто-то способен понять принципы, определяющие интеллектуальные сети, то у него есть объяснение причин происхождения идей и их изменений. Строго говоря, именно сети являются действующими лицами на интеллектуальной сцене. Сети представляют собой устойчивую, длящуюся во времени структуру, или паттерн, связей между микроситуациями, в которых мы живем; социология сетей глубоко проникает в сами формы нашей мысли. Сетевая динамика интеллектуальных сообществ дает нам внутреннюю социологию идей, избавляя от редукционизма традиционной экстерналистской социологии» [3, с.40].

«Именно в сетях идет накопление интеллектуального капитала, а постоянно воспроизводимые интерактивные ритуалы между участниками сети являются почвой, питающей эмоциональную энергию творчества. Особой формой данной эмоциональной энергии является то, что мы называем творчеством, или творческой способностью (creativity)» [15, с. 66].

Как утверждает Р. Коллинз, «в конкуренции за ограниченное пространство внимания весьма значительное количество индивидов имеют доступ к уже имеющемуся культурному капиталу (КК), который позволяет им формулировать новые идеи; однако только те немногие индивиды, которые сделают данные шаги быстрее всего, получают социальное внимание, а наряду с ним и эмоциональную энергию для продолжения разработки своей позиции в пространстве интеллектуального внимания» [3, с. 34].

«Пространство внимания» – это ключевой термин концепции Р. Коллинза. «Сетевая схема некоторой области культурного производства представляет пространство внимания. Иными словами, в ней описывается модель наиболее интенсивно сфокусированных процессов общения между людьми, которые транслируют прежний культурный капитал и превращают его в новую культуру» [3, с. 45]. Согласно Р. Коллинзу в интеллектуальном мире идет постоянная борьба за место в пространстве внимания. Р. Коллинз последовательно выступает против реификации творцов-одиночек, исключительно индивидуального творчества гениев, которая, по его мнению, возникает только потому, что индивидуальное творчество, с одной стороны, сводится к декартовскому бестелесному субъекту, а, с другой стороны, вырывается из социального контекста.

Могут возразить, что творческие интеллектуалы обычно интроверты, а не экстраверты. Интеллектуальное творчество осуществляется не в групповых ситуациях, но в индивидуальной работе, обычно занимающей по многу часов в день. Однако, как считает Р. Коллинз, противоречие это только кажущееся. «Интеллектуальные группы, цепочки «учитель – ученик» и линии соперничества между современниками вместе создают то структурное поле сил, в котором и происходит интеллектуальная деятельность. Причем существует путь от таких социальных структур к внутреннему опыту индивидуального разума. Группа присутствует в сознании индивида, даже когда он один: для индивидов, являющихся творцами исторически значимых идей, именно это *интеллектуальное* сообщество является первостепенным, когда он(а) находится в одиночестве. Человеческий разум как вереница мыслей в отдельном теле конституирован историей личного участия человека в цепочке социальных столкновений. Для интеллектуалов это особые виды социальных цепочек и тем самым особые виды разума» [3, с. 52].

«...Мышление было бы вовсе невозможно, если бы мы не были социальны; у нас бы не было ни слов, ни абстрактных идей, ни энергии для чего-либо за пределами сиюминутного чувственного опыта... мышление состоит в создании «коалиций в разуме» [3, с. 83], интериоризированных из социальных сетей и мотивированных эмоциональными энергиями социальных взаимодействий. «Значительность ученого во многом определяется наличием доступа к большому массиву КК и «оборачиванием» его с наибольшей скоростью, то есть составлением сочетаний («рекомбинацией») КК для получения новых идей и совершения открытий. Это могло бы означать, что суть творчества состоит просто в активности – в эмоциональной энергии при использовании культурного капитала. Одной эмоциональной энергии недостаточно: при отсутствии достаточного культурного капитала и соответствующей сетевой позиции в интеллектуальном сообществе. Ключевые моменты опыта интеллектуалов – это моменты их непосредственного взаимодействия с другими интеллектуалами» [3, с. 83–85]. «Результаты творчества высокого уровня кристаллизуются в символах и в

этой форме могут циркулировать по интеллектуальной области, сообщая энергию любому, кто тесно сближается с ними. Когда группа обладает высокой степенью согласия относительно идей, вброшенных каким-либо интеллектуальным лидером, данный человек становится сакральным объектом для группы. Это и приводит к подъему культовых фигур интеллектуальной жизни, таких как Конфуций, Аристотель, Гегель, Маркс, Витгенштейн» [3, с. 86]. Эти личности или даже их имена становятся кратким обозначением для Целой системы идей. «Культурный капитал течет по взаимосвязанным локальным сетям, давая шансы для успеха прежде всего тем людям, которые имеют доступ к этому капиталу, пока он еще является новым. Эмоциональная энергия также течет по этим сетям, местами собираясь в интенсивные скопления; но временами она покидает сети из-за сдвигов в пространстве внимания» [3, с. 87–88].

«В целом же данная структура является полем сил, внутри которого действуют и мыслят индивиды. Эта структура ответственна за устойчивые узоры (паттерны) идей, а также за потоки энергии, образующие интеллектуальную повседневность или рутину; и только когда крупномасштабные силы перестраивают внутренние покои, выселяя одних и объединяя других, происходит новое сочетание, или рекомбинация, идей и появляются интенсивные потоки эмоциональных энергий, которые составляют эпизоды высочайшего творчества» [3, с. 94].

«Идеи являются творческими, поскольку они удерживают интерес других людей. Само понятие творчества предполагает суждение одного поколения о другом... Мой социологический критерий оценки уровня творчества основывается на количестве поколений, на которое передаются идеи. Интеллектуальное величие человека – это воздействие его идей на ход интеллектуальной истории, влияние на последующие за ним поколения» [3, с.114–115].

Сетевая онтология креативности Р. Коллинза фактически является еще одним весомым вкладом в десакрализацию и демистификацию творчества, делая действительно прозрачными те социальные процессы, которые ранее оставались скрытыми. По сути перед нами предстает социальная динамика возникновения и распространения, а также поддержания и развития во времени творческих идей.

Не вызывающая сомнения сетевая методология и завораживающая своим масштабом попытка Р.Коллинза отрефлексировать и представить в концептуальной картине историю интеллектуального творчества как «сетевую игру», «сетевые интеракции», «сетевую конкуренцию» и «сетевые расстановки» ее участников, вместе с тем порождает и некоторый осадок разочарования не столько от того, что тайна раскрыта, но от того, что предлагаемая модель выглядит в конечном счете уж слишком простой и обыденной, претендуя при этом на всеобъясняющую силу.

Но действительно ли предпринятый сетевой подход может быть принят как удовлетворяющая объяснительная модель креативности?

На этот счет можно выдвинуть следующие сомнения.

Во-первых, в силу того, что предпринятый Р. Коллинзом сетевой анализ построен всецело на материале историческом он неизбежно носит дескриптивный характер, а поэтому имеет незначительную предсказательную силу. На что обращает внимание и Н. С. Розов в вводной статье к работе Р. Коллинза. «Коллинз утверждает в первой, теоретической, главе возможность предсказывать содержание творчества, представляет для этого резонные доводы, но в остальной части книги почти ничего не предсказывает... Замах сделан, а броска нет» [3, с.18].

И дело не только в том, что возможность предсказания – один из критериев сформированной теории. Возникает вопрос: может ли, в принципе, предложенная Р. Коллинзом, в целом описательная концепция истории интеллектуальных изменений, что-то дать для понимания творчества и его осуществления в современном мире? На наш взгляд, она оказывается совершенно не инструментальной и не дает даже общих ориентиров для творческого человека. Как, например, сегодня понять, к каким сетям человек принадлежит и где искать пространство внимания? Какой культурный капитал наиболее значим для последующего выдвижения на пик сетевого круга? Имена каких современных интеллектуалов останутся долгое время в памяти последующих поколений, а чьи уйдут быстро в забвение? На эти вопросы нельзя найти ответы в объемной книге Р. Коллинза, тем более, что препятствует даже поиску этих ответов сама методологическая установка дескриптивного анализа, постоянно повторяемая Коллинзом – все самое значимое, или значимость и величие творчества может раскрыться только спустя несколько поколений. Правда важно и то, что уже можно формулировать сами вопросы.

Во-вторых, представляя творчество своего рода эпифеноменом сетевых процессов, концепция Р. Коллинза, как это не удивительно, практически ничего нам не говорит о самом процессе творчества. Используется очень небольшой круг понятий, описывающих творчество. Это «культурный капитал», «эмоциональная энергия», «пространство внимания», «сетевая конкуренция» за культурный капитал и достижение высокого накала эмоциональной энергии в творчестве. Это опять же в большей степени феноменологическое описание творчества, которое не позволяет перевести его в само креативное действие. Этому препятствует и то, что с одной стороны, показывая, что гении и исключительные индивидуальные творцы – это только сконструированные модели, возникающие из-за недостатка знаний об их включенности в социальные процессы, Р. Коллинз, фактически приходит к выводу в структуралистском ключе, подчеркивая по сути бессубъектность процесса творчества. «Творчество является как бы «сцеплением» (friction) в пространстве внимания, причем в те моменты, когда структурные блоки трутся друг о друга с наибольшей силой. Наиболее влиятельные идейные новшества рождаются тогда, когда есть максимум и вертикальной и горизонтальной плотности сетей, где поверх непрерывной

цепи поколений выстраиваются еще и цепочки творческого конфликта [3, с. 137–138].

«Отнюдь не индивиды (будь то мужчины или женщины, не говоря уж о цвете кожи) производят идеи – их производит течение сетей через индивидов» [3, с. 140].

«Именно сети пишут сюжет данной истории; структура же сетевой конкуренции относительно пространства внимания, определяющая творчество, сфокусирована таким образом, что знаменитые идеи формулируются посредством губ и пишущих (печатающих) пальцев лишь немногих индивидов» [3, с. 141].

В-третьих, нет определенности в понимании соотношения подлинного творчества и сконструированной репутации творца, которая может поддерживаться длительный период в истории. Р. Коллинз показывает, что, например, Фалес традиционно считается первым греческим философом и первым математиком; но совсем не очевидно, что он сам по себе был интеллектуалом-новатором [3, с. 128]. Без большого позднего успеха конфуцианской школы сам Конфуций считался бы не более значимым, чем Моццы или даже Ян Чжу и Шан Ян [3, с. 129]. Сама методология предпринятого социологического сетевого анализа становится причиной того, что Коллинз не склонен присоединяться к общему привычному хору восхваления грандиозных творческих фигур, будь то даже Платон, Аристотель, Декарт или Кант. Мысль автора состоит в том, что такого рода мыслителям посчастливилось «пожать плоды» признания той работы, которая в небольшой части была выполнена до них и рядом с ними – в интеллектуальных сетях, накапливающих разнородный культурный капитал [3, с.12]. По сути за этим можно найти и некую социальную стратегию и технологию, заключающиеся в том, что сами гении и величайшие творцы – это результат конструирования их репутаций в борьбе за пространство влияния. Р. Коллинз пишет: «...в некотором смысле репутация реально не отличима от творчества; то, что мы считаем интеллектуальным величием, состоит в производстве идей, влияющих на последующие поколения, которые либо повторяют их, либо развивают, либо выступают против них» [3, с. 129]. Но он очень осторожно подходит к данному вопросу и все-таки не допускает их абсолютного отождествления. У Коллинза мы не находим прямолинейного социального инструментализма, но он очень характерен для социологического подхода других авторов, абсолютизирующих тот факт, что творческие репутации формируются социально-историческим контекстом.

Список литературы

1. Андрюхина Л. М. Креативное образование менеджера: контексты XXI века / Л. М. Андрюхина // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. 2009. № 6 (63). С. 121–134.
2. Андрюхина Л. М. Культурная топология креативности: возможности Человека XXI века / Л. М. Андрюхина // Образование и наука. Известия Уральского отделения Российской академии образования. 2012. № 3. С. 32–37.

3. Коллинз Р. Социология философий: Глобальная теория интеллектуального изменения / Р. Коллинз. Новосибирск : Сибирский хронограф. 2002. 1280 с.

4. Сергеева Е. В. Развитие творческого компонента в образовательных системах Соединенного Королевства, США и России / Е. В. Сергеева // Образование и наука. 2014. № 2. С.72–78.

5. *Intercultural Competences. Conceptual and Operational Framework*. Paris: UNESCO, 2013. P. 44.

УДК 37.013.83

О. В. Балалиева

O. V. Balalievа

МАДОУ детский сад № 389, г. Екатеринбург

Kindergarten № 389, Yekaterinburg

balalievao@mail.ru

ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАНОВЛЕНИЯ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ОБРАЗОВАНИЯ ВЗРОСЛЫХ (АНДРАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД)

HISTORICAL GENETICAL ANALYSIS OF SUSTAINABLE EDUCATION DEVELOPMENT FOR ADULTS (ANDRAGOGICAL APPROACH)

Аннотация. Анализ исторического становления непрерывного образования как образования взрослых позволил определить содержание понятий «непрерывное образование», «андрагогика». В статье рассматриваются методы андрагогического подхода, определяются цели деятельности непрерывного образования взрослых.

Abstract. The analysis of historical development of sustainable education for adults has allowed to define the meaning of the terms «sustainable education» and «andragogy». The article considers the main principles and methods of andragogical approach. Practice purposes of sustainable education for adults have been defined in this article.

Ключевые слова: непрерывное образование, образование взрослых, андрагогический подход, андрагогика, система деятельности, методы, принципы.

Keywords: sustainable education, education for adults, andragogical approach, andragogy, practice method, methods, principles.

В современном обществе образование, в том числе образование взрослых, его содержание и организационные формы тесно связаны с социальным, политическим и экономическим развитием страны. Образование взрослых получило развитие в связи с переподготовкой и обучением инвалидов, военнослужащих, уволенных в запас, и других категорий населения. В настоящее время закладываются все основания для развития системы непрерывного образования.

Желание непрерывно (пожизненно) учиться возникло много веков назад. В Библии, Коране и других древних писаниях отчетливо прослеживается мысль о необходимости получения новых знаний.

Педагогические взгляды Я. А. Коменского стали первоисточником современных представлений об образовании.